

Л.И. Ермакова, М.В. Гурин, М.Б. Маринов

Возможные пути развития коммуникационной сферы китайского информационного полюса

Центр развития современного мира постепенно перемещается в развивающиеся страны, в которых сосредоточено большинство населения Земли и большинство мировых ресурсов.

Центр экономического роста уже переместился в Восточную Азию. Китай стал одной из крупнейших экономических держав мира. Присутствие Китая на международной арене становится всё более ощутимым, особенно последние три десятилетия, в силу быстрого роста экономики страны. Довольно скоро трудно будет не принимать в расчёт Китай именно как политическую сверхдержаву [1].

Переход к постиндустриальному обществу дал толчок развитию новых технологий и изменению мира. В настоящее время в Китае формируется научная и производственная база в области информационных технологий. Наличие крупной современной производственной базы в стране дает возможность Китаю заимствовать, а затем самостоятельно использовать передовые технологии.

В настоящее время по важнейшим параметрам, определяющим научно-техническое развитие, Китай вышел на лидирующие позиции. Так, например, финансирование НИОКР: в Китае в 2010 году составило 37,7 млрд долл., что вывело Китай по данному параметру в ведущую пятерку стран в мире. Такие инновационные проекты как бизнес-инкубаторы и технопарки создаются в современном Китае сверхбыстрыми темпами. По их числу в настоящее время Китай отстает только от США. Для привлечения к китайской науке иностранных исследователей технопарки создаются и за рубежом. По числу ученых Китай практически не отстает от США. Доля научных сотрудников в Китае составляет около 15% от мирового количества, в США – 22%, в Японии – 11%, в России – 9%. Число выпускников вузов в сфере информационных технологий ежегодно увеличивается более чем на 200 тыс чел., это в несколько раз больше, чем в США [2].

На 2006 год, по числу полученных патентов, в первую десятку мировых лидеров входили США (144 тыс.), далее следовали: Япония (123 тыс.), Южная Корея (74 тыс.), Китай (53 тыс.), Россия (23 тыс.), Германия (17 тыс.), Канада (16 тыс.), Франция (12 тыс.), Австралия (11 тыс.) и Великобритания (10 тыс.). Большая часть патентов (17%) в мире была выдана на изобретения, связанные с областью компьютеров. О темпах роста получения патентов в Китае говорит тот факт, что до

2006 г. число патентов, которые получали китайские ученые, увеличилось ежегодно на 15-25%, а в 2010 г. уже наблюдался рост на 32% [3].

Быстрее всего увеличивается число патентов, которые получают исследователи, работающие в вузах Китая. За 2002-2006 гг. доля этих разработок выросла с 22% до 30%, тогда как процент исследователей в НИИ сократился наполовину – с 30% до 15%. Число научных работ, опубликованных китайскими учеными, увеличилось с 1990 по 2005 гг. более чем в 30 раз. Это произошло в основном за счет увеличения активности ученых в вузах. Этот сектор дал свыше 60% работ. Наибольших успехов добились китайские исследователи в области физики и химии. Доля публикаций китайских ученых, сконцентрированных в научно-технических поисковых системах международного уровня, таких как SCI, EI и ISTP выросла более чем в четыре раза (с 2% до 9%). Только США (28%) пока опережает Китай. Если рассматривать индекс SCI, отражающий успехи в области фундаментальных исследований, то Китай уступает только США, Англии, Германии и Японии. По числу публикаций в некоторых инновационных отраслях исследований, и, в первую очередь, в нанотехнологиях, китайские исследователи уже близко подошли к США. Достаточно многие работы были выполнены китайскими учеными, сотрудничающими с иностранными коллегами, в основном – американскими и японскими [4].

Важнейшими задачами, на выполнение которых в Китае направлено основное внимание, являются развитие научных структур и концентрация средств и сил на ключевых перспективных направлениях научных исследований. В связи с этим в 1998 году в Китае началось реформирование Академии наук. В 2010 году остались только 30 наиболее развитых и имеющих мировые достижения академических институтов вместо 129. Разработан и претворен в жизнь новый порядок оценки научных приоритетов и выделения финансирования, направленный на устранение нецелевого использования средств. Университеты тоже стали заниматься, в первую очередь, исследованиями в фундаментальных областях, так же как и институты, входящие в Академию наук. В высших учебных заведениях активно создаются не только технопарки, но и научно-технические компании, а также бизнес-инкубаторы. Активно развивается кооперация науки с бизнесом. В ведущих университетах страны, таких как Фудань, Цинхуа, Цзяотун активно работают многочисленные венчурные фирмы [5].

В наиболее развитых странах государство слабо финансирует науку и обеспечивает, как правило, не более 45% научных бюджетов. Так в 2002 г. частными фирмами в США были обеспечены около 70% ин-

вестиций в научные исследования. Около 60% инвестиций в научные исследования во Франции обеспечивается за счет бизнеса, а в Японии – около 70%. В развивающихся странах можно наблюдать совершенно иную картину. В Индии бизнес оплачивает около 20% расходов на исследования, в России и Бразилии тоже не намного больше.

В современном Китае картина совершенно иная. Начиная с 90-х годов, доля финансирования НИОКР за счет средств, получаемых от бизнеса, выросла до двух третей.

По возможностям предприятий как основных субъектов рынка в области внедрения и производства инноваций можно судить о развитии инновационной политики. В этом плане дела в Китае идут очень хорошо:

– В Китае больших успешных компаний, пользующихся инновационными технологиями, намного больше, чем в Бразилии, Индии и России. Они созданы в основном на базе государственных научно-исследовательских учреждений.

– Очень быстро развиваются в современном Китае малые технологические компании. Они возникли в основном на основе технопарков и бизнес-инкубаторов, на создание которых государство в свое время затратило большие средства. И сегодня эти компании в различных формах могут получать поддержку от государства.

– Начинает создаваться в наиболее развитых провинциях, например, в Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, инновационная сеть на основе рыночных малых предприятий.

– Быстро увеличивающийся экспорт китайского капитала приводит к слияниям и поглощениям иностранных компаний, что, в свою очередь, обеспечивает широкий доступ к зарубежным технологиям.

– Бурная интеграция важнейших промышленных предприятий с крупными научно-исследовательскими учреждениями и вузами дает блестящие перспективы [6].

Создание инновационной экономики связано не только с областями экономики и науки. Здесь, в первую очередь, затрагиваются области образования, культуры, государственного строительства. Безусловно, это решающий прорыв в области модернизаций, дающий возможность обеспечить переход к обществу современному от общества традиционного. Определенно, это важнейшая и кардинальная трансформация в области общественного сознания. Несомненно, это переход к креативности от пассивной трансляции знаний в пользу инновационности, предпринимчивости.

Многие ведущие компании мира переносят свое производство в

Китай. Не только стремление воспользоваться дешевой рабочей силой стоит за решением руководства Apple выпускать большинство продуктов компании в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

В New York Times появилась статья, анализирующая причины, по которым Apple предпочитает зарубежные производственные предприятия заводам в США. Вопрос об этом президент США Барак Обама однажды напрямую задал покойному ныне Стиву Джобсу, на что тот ответил кратко: «Эти рабочие места уже не вернуть» [7]. Скорее всего, уже не вернуть и позаимствованные китайцами новые технологии.

Дело не только в меньшей стоимости труда, руководство Apple убеждено, что США уступает Азии и Европе по мощности и гибкости производства, а также по уровню квалификации и дисциплинированности рабочих.

У Apple около 43 тыс. служащих в США и еще примерно 20 тыс. по всему миру. Однако порядка 700 тыс., косвенно работающих на компанию – через подрядчиков и т.д., в основном находятся за пределами Соединенных Штатов.

Еще одна причина переноса сборки изделий в Юго-Восточную Азию в том, что там уже есть вся необходимая инфраструктура – фабрики, выпускающие различные комплектующие для iPhone и iPad, имеются практически повсеместно, так что доставлять детали в США просто нет смысла: собирать устройства можно в Азии, а оттуда уже отправлять в различные регионы мира.

Безусловно, еще одной предпосылкой перевода производства на Восток для Apple стал расцвет Foxconn, ее партнера по производству, компании, которая сегодня собирает около 40% всех электронных устройств в мире.

На одном из заводов Foxconn в Китае, известном как Foxconn City, работают около 230 тыс. рабочих, причем примерно четверть из них живут в бараках прямо на территории завода [7].

Этот и многие другие примеры говорят о том, что современный Китай вышел на уровень высокой оснащенности в области информационных технологий, которые являются вещественной основой сетевого взаимодействия, а также обеспечивают перспективы, тенденции и темпы развития этих технологий. В данном случае следует говорить, в первую очередь, о новых цифровых технологиях, с помощью которых, становится «доступным для всех всё, всегда и везде», технологиях полевого распределения энергии, дающих возможность генерировать ее непосредственно в точке потребления и в количестве, необходимом пользователю. Кроме того, это касается и современных нано-техноло-

гий, которые сводят почти до молекулярных размеров практически все средства деятельности человека.

Данные технологии, используемые комплексно, в своей совокупности дают возможность расширить персональную автономность отдельного человека. Они дают возможность различным разнородным и по-разному распределенным силам проявлять себя свободно, непрерывно и без дискретности, с невероятной точностью, практически без ограничений [8].

Данные прорывы в использовании сетевых- и нано-технологий ставят вопрос о том, где, прежде всего, произойдет широкомасштабный и полноценный переход к постиндустриальному информационно-сетевому способу жизни общества.

На первый взгляд кажется, что к претворению сетевых принципов в реальную жизнь наиболее близки, прежде всего, США. В этой стране основа всей системы ценностей базируется на личной инициативе и индивидуализме. На первый взгляд, это и есть те качества, которые необходимы для формирования сетевых сообществ.

Кроме того, под контролем государства в США интенсивно проводятся различные исследования, касающиеся разных аспектов сетевого взаимодействия. Существуют реальные попытки со стороны американской администрации по внедрению в различные национальные силовые ведомства сетевых подходов.

К тому же США в настоящее время являются самой высокотехнологичной страной в мире, которая занимает лидирующие позиции в области экономики и научного потенциала. Именно там наиболее широко представлен весь арсенал «высоких технологий». В США находится база технической основы сетей [9].

Однако более глубокий анализ указывает, что таким центром в первую очередь станет Китай. Это связано с тем, что глубинной культурной традицией Китая является даосизм, в рамках представлений которого реальность предстает как «бесконечное поле взаимовлияния различных сил, в котором все и со всем взаимосвязано». Постигание смысла бытия, согласно даосизму, является открытием «вечно Другого». Мир, согласно даосским представлениям, предстает не как мир идей, не как мир сущностей и фактов. Мир является пространством взаимосвязанных событий и превращений. Мир, даже в подсознании современных китайцев чем-то напоминает раскинутую сеть, в которой нет начала и конца» [10].

В представлениях китайцев реальность динамична – она есть непрерывное изменение без начала и конца. В этой картине мира любая вещь имеет ценность, поскольку она соотнесена с другими вещами.

Даже человек в представлениях китайцев является не уникальной личностью, а предстает как изменчивое звено для связи предшествующего и последующего поколений. Все это является культурной основой для претворения сетевых принципов бытия в жизнь именно в китайском обществе.

Код китайской культуры предполагает не только построение сети, но и бытия в ней. Способ бытия в китайской традиции является двойственным, сопоставим с представлениями о реальном и виртуальном пространствах. Китайцы считают, что существующая реальность является отражением символической реальности. Именно эта реальность является основой самопревращения всего сущего, в котором заложена основа всех реальных изменений.

Согласно представлениям китайцев действовать – это давать событиям произойти путем самоустранения от них. Такой подход, не отрицая внешнего мира, дает возможность концентрироваться на внутреннем мире событий, а это, в свою очередь, позволяет предвидеть изменения вещей и событий до того момента, как они проявятся в реальности [11].

Данный способ бытия предполагает игровой способ взаимоотношений с реальностью, абстрагирующий от целей и мотивов совершающихся и совершаемых действий. Такое отношение к жизни позволяет жить моментом, дает возможность ощутить неисчерпаемое разнообразие каждого мгновения жизни, позволяет испытать бесконечное единство с окружающим миром. Но в то же время, человек, включенный в такой алгоритм жизни, должен ставить для себя только те задачи, которые вытекают из конкретной ситуации, то есть ему необходимо делать только то, что нужно делать.

Именно такая философия жизни формирует представление о китайской стратегии бытия. Стратегия жизни в Китае – это не противоборство двух противников, скорее способ взаимодействия более совершенной системы с менее совершенной. С таких позиций стратегия – это скорее «среда» для стратегического действия.

Согласно такому подходу, стратегическое знание заключено в понимании преемственности между системой и средой. Знание этой преемственности, проявляющейся в явлениях как противостояние, различие, прерывность, позволяет предвидеть события и управлять ими.

Стратегическое пространство действия в китайской культуре рассматривается в виде предела, границы форм, оно имеет внутреннюю глубину, но не обладает протяженностью. Внешние формы стратегии есть отраженный вид ее реального содержания. Здесь всякое действие свидетельствует о недействовании, образы не выявляют, а скрывают

реальность. Старинная китайская поговорка гласит: «Уход – лучшая стратегия». Уйти – не значит проиграть. Соображения же репутации и престижа несущественны там, где речь идет о жизни и смерти и о сохранении для себя возможности вернуться и победить. Однако главная причина любви китайцев к «уходу» состоит в том, что для них отход, отступление только и создают самое пространство стратегического действия. Отойти – значит выявить то символическое пространство событийности, в котором осуществляется чистая действенность [12].

В силу всего этого китайский способ бытия зависит от «одного», то есть сплошного изменения, когда реальная позиция – всегда отличается от предполагаемого варианта, поэтому реальные действия китайцев можно считать «тенью, которую отбрасывает другая тень». Технологизация данного постулата в реальной жизни означает квантирование каждого поступка на серию очень мелких, почти незаметных действий, что затрудняет отслеживание его начала и конца [13].

При этом способ бытия китайцев предполагает способность минимизировать любые противостояния и какие-либо силовые воздействия. Вершина китайской мудрости заключается в том, чтобы добиться победы, не используя никаких усилий.

Все это базируется на тщательной подготовке, ключом для которой является получение наиболее полной информации о состоянии предполагаемого противника. Сбор этой информации в свою очередь сопровождается умышленной дезинформацией. Так как если все реальное есть только видимость, то ложное должно представлять как истинное.

Следует иметь в виду, что обман для китайцев в порядке вещей, поскольку отвлеченные понятия, в том числе и мораль в европейском понимании, для них не имеют ценности и трактуются достаточно произвольно, часто в качестве отвлекающего обоснования реальных действий или прикрития скрытых замыслов [14].

Вышеизложенные данные позволяют сформировать четкое представление о том, что китайское миропонимание и китайский способ бытия наиболее подходят для формирования современного постиндустриального общества, живущего по сетевым принципам.

Анализ глубинных даосистских принципов китайского менталитета позволяет сделать вывод о том, что в Китае уже был давно разработан и за тысячелетия отточен и доведен до совершенства не имеющий аналогов в мире алгоритм сетевого действия. Кроме того, по сути, на базе этой врожденной системы бытия китайцы создали конфуцианство – вероятно действенную идеологическую систему, с помощью которой можно всегда и везде создавать ситуативные иерархии [15].

О совершенстве китайского способа сетевого бытия свидетельствует тот факт, что все многообразие способов поведения закодировано в символической системе из тридцати шести стратагем. На основе этих типовых элементов можно претворить в жизнь замысел любой сложности. Причем данная система была разработана китайцами еще в начале нашей эры [16].

Владение этой системой дает возможность всегда адекватно реагировать на постоянные, и даже мгновенные изменения обстоятельств. Эта система дает реальную возможность выживания даже в ситуации полной неопределенности. Она также обеспечивает очень высокое чувство общительности, что в свою очередь позволяет превратить любое противостояние в способ интимного ощущения замыслов противника.

Еще одним подтверждением того, что действие по сетевому принципу у китайцев является врожденной привычкой, служит феномен китайской диаспоры. Он заключается в том, что везде, где есть китайцы, продуцируется китайский образ жизни.

Что же касается технических возможностей формирования современного сетевого общества в Китае, то они уже сегодня есть в наличии и продолжают быстро совершенствоваться.

Точно выбранные приоритеты развития экономики в сочетании с проводимой в современном Китае политикой поддержания частной инициативы и эффективно применяемым государственным финансированием привели к высочайшим в мире темпам экономического роста и крупным успехам в разработке передовых технологий.

Более того, уже к 2017 году Китай, согласно прогнозам ведущих мировых аналитиков, способен сравняться с США по ВВП. К 2020 году, по всей вероятности, Китай станет мировым лидером в технологиях [17].

Международная организация стандартизации Интернета IETF опубликовала недавно три официальных стандарта, регулирующих формат адресов электронной почты. Согласно новым правилам, пользователи Интернета могут использовать родной язык для регистрации электронных адресов и доменов (стандарты RFC5335, RFC5336 и RFC5337). Это решение окончательно положит конец приоритетному статусу латинского алфавита в адресной строке [18].

В ноябре 2009 г. начинался прием заявок на новые домены на кириллице, китайских иероглифах, даже на иврите и многих других языках. Интернет-корпорация ICANN, которая занимается администрированием доменных имен в Интернете, решила разрешить использовать нелатинских алфавитов в написании не только самих доменных имен,

но и доменов верхнего уровня (.com, .org, .ru).

В ближайшие несколько лет будет добавлена поддержка десятков других языков для использования в доменных именах. Эксперты ICANN считают, что доменные имена без использования латиницы станут крупнейшим нововведением за всю историю глобальной Сети.

Это нововведение дает что-то вроде гонки вооружений, ведь лаконичное доменное имя с точки зрения маркетинга – уже залог успеха.

В мире ситуация еще далеко неоднозначная. В современном Китае число людей, пользующихся Интернетом, перевалило за 500 миллионов. В США в настоящее время количество пользователей сети около 220 млн чел., но английский язык, кроме того, популярен в большинстве стран. Хотя в настоящее время аудитория, изучающая китайский язык, тоже растет по всему миру [19].

Нарастание глобализационных процессов в современном обществе ведет к взаимодействию, противостоянию и конкуренции в формирующемся едином информационно-коммуникационном пространстве.

В современном мире, как показывает современная социальная практика, в условиях глобализации резко возросли интеграционные процессы. Однако современные коммуникационные системы, кодированные различными знаково-символическими системами, порождают массу трудностей в процессе современных социальных коммуникаций.

Мы настолько привыкли к использованию английского языка как средства международного общения, что считаем его совершенно «естественным» и «неизбежным». Однако при более внимательном подходе можно обнаружить множество «нестыковок», «шероховатостей» и даже «странностей».

В целом: в вопросе решения задачи коммуникации английский язык и система письменности, созданная на основе латиницы, вынуждены применять всевозможные приемы, начиная со специально разрабатываемых правил орфографии и заканчивая сложной индустрией перевода.

Например, литература по многочисленным техническим специальностям. Смысл подобных текстов непосвященный должен в полном смысле слова переводить на понятный язык. Для выполнения этой работы необходимо часто еще больше усилий, чем требуется для перевода с иностранного языка [20].

Все попытки создания искусственного единого языка и письменности на фонетической основе не увенчались успехом. Создание языка «эсперанто», например, изначально было тупиковым путем [21].

Выход может быть совершенно иным. В современном информационном пространстве существует большое культурное и языковое раз-

нообразии и соответственно разнообразии знаковых и символических систем, в том числе и различных видов письменности, с помощью которых человечество осуществляет свои коммуникационные потребности [22]. Среди них есть и иероглифическая письменность.

В то же время можно без особых усилий увидеть признаки формирования новой единой универсальной письменности на пиктографо-иероглифической основе.

К примеру, современные знаки дорожного движения. Они понятны всем водителям в мире, по сути своей – пиктограммы. Различные товары маркируются пиктограммами в виде торговых знаков.

Такие знаки понятны подавляющему количеству потребителей, несмотря на то, что они разговаривают на разных языках, и практически не обучались этому.

Когда на российском рынке в недавнем прошлом произошло появление большого количества зарубежных товаров без инструкции на русском языке, покупатели с помощью некоторых имевшихся на товарах знаков, по сути дела являвшихся пиктограммами, достаточно успешно использовали их по назначению без инструкций на русском языке.

Или еще один пример. В первых компьютерах все команды управления были написаны с помощью алфавитного текста, но такие команды были понятны только узкому кругу специалистов, владеющих английским языком. Когда же резко увеличилось количество пользователей, сразу стали использовать пиктограммы. Они отличаются разнообразием, но понятны практически всем. И теперь пользователь компьютера, независимо от языка, на котором он говорит, понимает, что означают знаки, и может пользоваться компьютером.

Данные процессы имеют место в любой сфере, если необходимо установить контакт, обеспечить трансляцию информации или направить в нужном направлении действия людей, не говорящих на одном языке. Эта потребность имела место еще задолго до начала процесса глобализации и всех вытекающих из него последствий.

Например, взять нотную грамоту, с помощью которой любой музыкально грамотный человек, независимо от языка, на котором говорит, сможет самостоятельно воспроизвести любое музыкальное произведение с помощью универсальных значков нотной грамоты. Небольшого количества универсальных значков достаточно для записи и воспроизведения всего музыкального наследия человеческой цивилизации!

Химики всего мира с помощью универсальных значков таблицы Менделеева могут описать все многообразие химических реакций, происходящих в мире.

В обоих случаях передача информации достигается с помощью небольшого базового набора и универсальных правил комбинирования базовых элементарных знаков между собой, в данных действиях легко прослеживаются аналогии не с алфавитным письмом, а с письменностью, записанной с помощью иероглифов.

Учитывая эти особенности, можно предположить, что для задач межкультурной коммуникации могут быть более эффективными коммуникативные системы не на базе алфавитной письменности, а использующие совершенно иные принципы. В данном случае следует обратить внимание на пиктографические и идеографические коммуникативные системы. Работоспособные формы таких систем могут быть созданы на базе китайской иероглифики [23].

Бурные успехи Китая в последние годы, занятие им лидирующих позиций в современном мире актуализируют более пристальное рассмотрение знаково-символического кода коммуникаций в рамках этой цивилизационной системы.

Смысл китайской иероглифики значит гораздо больше, чем символика древней нации. И даже в настоящее время образованные люди могут читать изречения древних мыслителей, написанные иероглифами. Однако иероглифы не только передают знания древней культуры. На протяжении нескольких тысячелетий иероглифическая письменность сохраняла единство китайской нации.

Китай, сохраняя свое единство на протяжении нескольких тысячелетий, показывает нам, что для выполнения этой задачи важнее единая универсальная система письменности, а не разговорный язык.

Именно иероглифическая письменность служит связующим звеном для множества диалектов китайского языка [24].

В данном случае важно уловить главную тенденцию. Она заключается в том, что с развитием общества все сильнее его потребность в создании унифицированного языка, или даже скорее системы письменности. И при ее создании все сильнее наблюдается тенденция тяготения этой универсальной системы письменности к пиктографическим принципам со смысловым содержанием знаков.

Однако вернемся к сопоставлению фонетических и иероглифических систем письменности. Их различие не ограничивается базовыми принципами построения.

Использование фонетической системы письменности связано с включением тех механизмов мышления, которые работают по принципам линейной логики. В основе фонетической системы всегда лежит устное слово. Даже если мы читаем или пишем молча, мы как бы произ-

носим вслух, про себя, то, что пишем или читаем. Эти действия связаны с операциями разложения на составные звуки и процессом восстановления смыслового единства последовательности звуков.

Принципиально иначе обстоит дело с иероглифическими знаками. Здесь каждый знак содержит в себе некий смысл. От читающего иероглифику человека требуется, прежде всего, наличие образного мышления. Здесь уже включается нелинейная логика, законы которой базируются не на аналитических, а синтетично-ассоциативных принципах [25].

Поэтому принцип иероглифического письма, существующего в современном Китае, обладает очевидным достоинством. Независимо от своего родного диалекта, современный китаец полностью понимает тексты, написанные на общекитайском языке путунхуа. Современный японец или кореец, не зная ни слова по-китайски, легко ориентируется в текстах на этом языке. То есть китайская иероглифика, в том числе используемая в сети Интернет, может без видимых усилий служить средством межкультурного общения в ареале набирающего силу Азиатско-Тихоокеанского региона, одного из центров современного многополярного мира. Таким образом, китайская иероглифика является не только письменностью для китайского языка, а может рассматриваться как универсальная знаково-символическая система межкультурной коммуникации.

В настоящее время в Китае идет интенсивное развитие информационного пространства, базирующееся на передовых технологиях. Это обстоятельство в совокупности с особенностями китайской ментальности позволяет предполагать возможность выхода Китая на передовые рубежи не только в технологическом плане, но и в освоении сетевого способа бытия в информационном обществе. Кроме того широкое использование китайской иероглифики в системе Интернет дает основания для ее использования как универсальной знаково-символической системы в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме того, это связано с тем, что иероглифическая письменность не только более коммуникативна, но и является более естественной для человеческого сознания, чем алфавитная фонетическая письменность.

Библиографический список

1. Агафонова М.С., Петрикова О.Г. Особенности современного развития Китая. URL: <http://www.copy.yandex.net/?fmode=envelope&url=http>.
2. OECD Reviews of innovation policy. China synthesis report. 2010.
3. China, Indien und darüber hinaus. Chancen und Risiken in Asia. 2010. 10 Dezember.

4. Чжэн Синьли. Противостояние структуры инвестиций стратегии развития – выдающееся противоречие современного функционирования экономики // Чжунго цзинци шибао. 2010. 17 июня.
5. Ци Чжунси. Активно решать проблемы, возникающие в Китае в процессе экономического роста // Дан цзянь. 2011. 5 апреля.
6. Сао С. China innovation challenge / Nottingham university. 2007.
7. Apple: рабочие в Азии более квалифицированы и дисциплинированы, чем в США. URL: <http://www.osp.ru/news/articles/2012/05/13012576>.
8. Информационные технологии. URL: <http://www.kunegin.narod.ru/index.html>.
9. Ядов Г.Б. Информация и общество // Вокруг света. 2004. № 2.
10. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина» / сост., пер., иссл. и прим. А.А. Маслова; худож. оформление Д.Н. Попова; Российское теософское общество. М.: Сфера, 1996.
11. Гране М. Китайская мысль; пер. с франц. В.Б. Иорданского; общ. ред. И.И. Семенов. М.: Республика, 2004.
12. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегии смысла в Китае и Греции. М., 2001.
13. Философия древнего Китая. Даосизм: Небо – дао – мудрость. URL: <http://www.ds-brotherhood.narod.ru/drkit.html>.
14. Сунь-цзы // Китайская военная стратегия; сост., пер., вступ. ст. и комм. В.В. Малявина. М., 2002.
15. У-цзин. Семь канонов Древнего Китая; пер. с англ. Р.В. Котенко; науч. ред. Е.А. Торчинов. СПб.: Евразия, 1998;
16. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. М., 2004. Т. 1.
17. Eight Ideas Behind China's Success. URL: <http://www.china-voyage.com/2011/02/vosem-idej-na-kotoryx-osnovan-uspex-kitaya-the-new-york-times-ssha>.
18. Китайские иероглифы завоевывают Интернет. URL: <http://www.kalashnikoff.ru/se/ smartphp?action=show&nid=1663&kal=pr>.
19. Заключение исследовательской группы «Morgan Stanley». URL: http://www.otherreferats.allbest.ru/international/00110614_0.html.
20. Вавилонская башня – рекордсмен долгостроя. URL: <http://www.tvoyhram.ru/stati/ st44.html>.
21. Исаев М.И. Язык эсперанто. М., 1981.
22. Уваров Л.В. Символизация как гносеологическая проблема: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 2008.
23. Завьялова О.И. Китайские диалекты и современное языкознание в КНР: [обзор] // Вопросы языкознания. 2009. № 9. С. 102-108.
24. Пиктография. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
25. Скляров А. Опасное наследие богов. М., 2004.